

Политика Российской империи в отношении неопротестантских деноминаций в конце XIX в.

*Ситко Е. А., аспирант БГУ,
науч. рук. доц. Поддубская Е. Ф., канд. ист. наук, доцент*

Первые упоминания о неопротестантах в Российской империи относятся к 1-й половине 1860-х гг. [1, с. 92]. Благодаря активной миссионерской деятельности они сразу же попадают в поле зрения местных властей и становятся одним из объектов политики Российской империи в сфере религии.

Под неопротестантскими деноминациями в данной статье имеются в виду баптизм, шундизм, адвентизм и евангельское христианство. Выбор данного термина показывает его отличие от ранних течений протестантизма, которые в Российской империи были представлены официально признаваемыми церквями (Евангелическо-лютеранской, Евангелическо-реформатской, Евангелическо-аугсбургской, Англиканской).

Законодательное регулирование деятельности неопротестантских деноминаций представляло сложность для властей из-за постоянного появления новых деноминаций, слабого понимания различий между ними и особенностей вероучения [1, с. 93]. Согласно иерархии вероисповеданий по Своду законов Российской империи баптисты были отнесены ко второму уровню «признанных терпимых исповеданий», тогда как остальные неопротестантские направления (шундизм, евангельские христиане, адвентизм) к 3-му уровню «терпимых непризнанных».

Вплоть до 1880-х гг. отношение властей к неопротестантам было довольно лояльным. 27 марта 1879 г. Государственный совет утвердил Временные правила, которые позволили баптистским общинам получить официальный статус, а самим верующим выполнять ритуальные действия по своим традициям, что по сути явилось признанием баптизма со стороны властей [2, с. 104]. Однако этот же документ вводил административный контроль над новыми религиозными объединениями и содержал в себе ряд ограничений для деятельности баптистов [3, с. 203]. Данные решения соответствовали специфике политики Российской империи в отношении религии, для которой были характерны определенная гибкость при сохранении строгого административного и полицейского контроля.

С начала 1880-х гг. политика в отношении неопротестантских деноминаций ужесточилась. Это было связано в первую очередь с миссионерской активностью неопротестантов, которая к данному периоду времени стала заметной центральным властям и на общественной опасности которой акцентировала внимание Православная церковь [4, с. 39], а также с 1881 г. и с пер-

соной Александра III, проводившего в целом реакционную политику. Также штундисты были ложно обвинены в поддержке социализма, что автоматически привело к ухудшению политики в отношении них [1, с. 94]. Циркуляры Министерства юстиции от 28 февраля 1880 г. и 29 августа 1886 г. требовали от местных властей осуществлять активный контроль над распространением штундизма [1, с. 93]. В 1882 г. вышло разъяснение Министерства внутренних дел, гласившее, что закон 1879 года не относится к перешедшим в баптизм из православия [2, с. 104], что лишило их ранее полученных прав.

Обособленно в ужесточившейся политике стоял закон от 3 мая 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских», который, по сути, сравнивал правовой статус штундистов и раскольников, т.к. не содержал разделения на более и менее вредные секты, что на время стало защитой для штундистов от полицейского и судебного преследования [1, с. 94]. Однако противники штундистов добились издания закона от 4 июля 1894 г., который назвал штундизм более вредной сектой, запретил ее молитвенные собрания и ввел целый ряд ограничений вплоть до судебного преследования [2, с. 104]. Чтобы избежать репрессий, штундисты начали называть себя баптистами, и к 1905 г. это направление неопротестантизма исчезло. Большинство штундистов перешло в баптизм, некоторые – в евангельское христианство. Ввиду небольшой численности адвентистов и евангельских христиан на них распространялась законодательная практика в отношении баптистов и штундистов.

В результате ужесточения законодательства усилилось и противодействие неопротестантизму со стороны местных властей. Так, проповедники баптизма в Витебской губернии К. Яковлев, Федот Симченко и Степан Семенов были высланы в Закавказье. Гомельские баптисты братья Ефим и Евсей Ляшковы были осуждены и на 7 месяцев лишены свободы [3, с. 204]. Однако наряду с репрессиями нередки были и оправдательные приговоры для верующих. Это происходило в случае кассации приговоров мировых съездов и рассмотрения их в Сенате, который проявлял гораздо большую умеренность и юридическую корректность, чем правительственные и синодальные чиновники [4, с. 43].

Говоря о политике Российской империи в отношении неопротестантских деноминаций в конце XIX в., следует сказать о непоследовательности и противоречивости правового регулирования, расхождении между нормами законодательных актов и правоприменением их местными властями. Это было связано как с непониманием специфики вероучений различных деноминаций, отсутствием надежных сведений об их количественном составе и влиянии миссионерской деятельности, произвольном толкованием норм права местными исполнительными и судебными органами, противоречием между законами и циркулярами МВД и министерства юстиции, так и с противостоянием

в правящих кругах двух лагерей – консервативного, выступающего за сохранение жесткой регламентации и контроля за религиозной сферой, и либерального, выступающего за реформирование законодательства вплоть до провозглашения свободы совести. Несмотря на довольно жесткие законодательные нормы, остановить распространение неопротестантских вероучений не удалось, главным образом в силу миссионерской активности верующих, готовых распространять свое вероучение даже под угрозой преследования и наказания.

Литература

1. Балдин, П. П. Движение штундистов и церковно-государственная политика в Российской империи во второй половине XIX века / П. П. Балдин // Сервис в Рос. и за рубежом. – 2013. – № 2. – С. 91–99.
2. Руфин, С. М. Правовое положение баптистов и адвентистов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (по материалам Саратовской губернии) / С. М. Руфин // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Ист. Межд. отнош. – 2019. – Т. 19, Вып. 1. – С. 104–108.
3. Линкевич, В. Н. Новые течения протестантизма в Белоруссии во II пол. XIX – нач. XX вв. / В. Н. Линкевич // Новая экономика. – 2016. – № 1. – С. 198–205.
4. Амбарцумов, И. В. Русский штундизм, общество и власть в XIX – начале XX в. / И. В. Амбарцумов // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2, Ист., ист. РПЦ. – 2011. – Вып. 5. – С. 30–47.

О взаимодействии Республики Беларусь и Китайской Народной Республики в борьбе с COVID-19 (на примере межрегионального сотрудничества)

*Сокол В. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. проф. Свилас С. Ф., д-р ист. наук, доцент*

В Китае есть пословица: «Одно поколение сажает дерево, другое – наслаждается тенью». Выдвинув миру семь лет назад идею возрождения Великого Шелкового пути, Председатель Китайской Народной Республики С. Цзиньпин предложил не просто очередной проект, а новый путь развития диалога цивилизаций, открывающий яркие горизонты для всего человечества. Совместное развитие инициативы «Один пояс, один путь» оценивается как значимый шаг по созданию будущего для нового поколения.

Беларусь является одной из опорных площадок инициативы «Один пояс, один путь», поскольку в республике реализуется масштабный проект – Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» [2]. С. Цзиньпин